

ПРЕДНАСЛОВИЕ

Г. Пенц.
Самсон и Далила. Гравюра. Первая половина XVI в.

означало потерять силу. С этим мы еще неоднократно встретимся, пока же достаточно напомнить хотя бы историю Самсона и Далилы. «Никуда она из терема не ходила, вольным воздухом царевна не дышала; много у ней и нарядов цветных, и камней дорогих, но царевна скучала: душно ей в тереме, в тягость покрывало! Волосы ее густые, златошелковые, не покрытые ничем, в косу связанные, упали до пят, и царевну Василису стали величать: золотая коса, непокрытая краса» (Аф. 560). Золотая окраска волос нас займет в другом месте, а пока важна длина их. Мотив длинных волос заключенной царевны особенно ясен в немецкой сказке (Гримм, 12 — Рапунцель). «Когда ей исполнилось 12 лет, волшебница заключила ее в башню, лежащую в лесу, не имевшую ни лестниц, ни дверей... У ней были длинные, великолепные волосы, тонкие, как золотая ткань. Слыша голос волшебницы, она развязывала свои косы, обвязывала их вокруг крючка у окна, и тогда они спадали на двадцать локтей, и волшебница по ним подымалась». Длинные волосы заключенной царевны — часто встречающаяся черта. В грузинской сказке «Иадон и Соловей»

красавица живет в высокой башне, откуда спускает вниз свои золотые волосы. Чтобы победить красавицу, нужно крепко намотать волосы на руку¹.

Запрет стричь волосы нигде в сказке не высказан прямо. Тем не менее длинные волосы заключенной царевны — часто встречающаяся черта. Эти волосы придают царевне особую привлекательность.

Запрет стричь волосы не упоминается и в описаниях заключения царей, царских детей и жрецов, хотя он вполне возможен. Зато запрет стричь волосы известен в совершенно иной связи, а именно в обычае изоляции менструирующих девушек. Что менструирующих девушек подвергали заточению, это достаточно известно. Фрэзер указывал также, что таким девушкам запрещалось стричь и расчесывать волосы.

Между обычаем изолировать царей и царских детей и обычаем изолировать девушек имеется несомненная связь. Оба обычая основаны на одинаковых представлениях, на одинаковых страхах. Сказка отражает как ту, так и другую форму изоляции. Образ девушки, подвергавшейся заключению в сказке, уже сопоставлен с изоляцией девушек, производившейся когда-то во время месячных очищений. Для подтверждения этой мысли Фрэзер приводит миф о Данае². Эту же мысль высказывает фон-дер-Лейен в своей книге о сказке, и она же повторена в издании афанасьевских сказок под редакцией Азадовского, Андреева и Соколова. Действительно, Рапунцель подвергается заключению при исполнении ей 12 лет, т. е. при наступлении половой зрелости; она заключена в лесу. Именно в лес

¹ Тихая-Цертели М. Г. Женский образ *mzeuonaġav* грусинских сказок. С. 151.

² Фрэзер Д. Золотая ветвь. С. 563.

для этого вводится новый персонаж, и этим ход действия вступает в новый этап. Этот персонаж — даритель.

Даритель — определенная категория сказочного канона. Классическая форма дарителя — Яга. Тут необходимо оговорить, что исследователь не всегда имеет право доверять номенклатуре сказки.

Часто ягой названы персонажи совсем иных категорий — например, мачеха. С другой стороны, типичная яга названа просто старушкой, бабушкой-задворенкой и т. д. Иногда в роли яги выступают животные (медведь) или старик и т. д.

2. Типы Яги.

Яга — очень трудный для анализа персонаж. Ее образ слагается из ряда деталей. Эти детали, сложенные вместе из разных сказок, иногда не соответствуют друг другу, не совмещаются, не сливаются в единый образ. В основном сказка знает три разные формы яги. Она знает, например, Ягу-дарительницу, к которой приходит герой. Она его выпрашивает, от нее он (или героиня) получает коня, богатые дары и т. д. Иной тип — Яга-похитительница. Она похищает детей и пытается их изжарить, после чего следует бегство и спасение. Наконец, сказка знает еще Ягу-воительницу. Она прилетает к героям в избушку, вырезает у них из спины ремень и пр. Каждый из этих типов имеет свои специфические черты, но, кроме того, есть черты, общие для всех типов. Все это чрезвычайно затрудняет исследование.

Исход мы видим не в том, чтобы подробно описать все три типа. Исход здесь возможен иной: весь ход развития сказки, и в особенности начало (отправка в страну мертвых), показывает, что Яга может иметь какую-то связь с царством мертвых. Выделим сперва те черты ее, которые в свете исторических материалов подтверждают это предположение. Здесь необходимо предупредить, что этим освещается только одна сторона в образе Яги, но сторона, которая непременно должна быть рассмотрена: к этому приводят и художественная логика сказки, и исторические материалы.

Э. Кёртис. Охотник за головами квакиутл. Фотография. 1910–1914. Индеец, принадлежащий народу квакиутл, стоит на опушке леса в накидке из кедровой коры и с толстой веревкой на шее, с которой свисают три черепа.

Фигурка священного быка Аписа. *Egypt*. 664–200 до н. э.

и сохраняет власть над животными, так как вся жизнь охотника зависит от животного, она сохраняет власть и над жизнью и смертью человека.

Что она властвует именно над животными, притом над лесными животными, стоит в связи с зависимостью человека этой стадии от лесных, охотничьих животных, которым он приписывает свою собственную родовую организацию. Другими словами, Яга представляет собой явление, известное в этнографии под названием хозяина.

Кулон с изображением Потнии Терон (Ἡ Πότνια Θηρῶν) – повелительницы животных. VII в. до н. э. Этим именем Гомер в «Илиаде» называет Артемиду. Хорошо сохранившийся кулон изображает крылатую богиню Артемиду, стоящую сзади и окруженную двумя львами.

Вопрос о хозяине — вопрос чрезвычайно сложный и далеко еще не разработанный. «Как развилось представление о “хозяине” — для выяснения этого сложного и большого вопроса необходимо особое исследование», — говорит Д. К. Зеленин¹.

Что значит «хозяйка»? Штернберг на многих примерах показал, как культ животных был первоначально культом всего рода животного, затем уже культ воздавался одному представителю этого рода, который и остался священным (медведь, египетский Апис и т. д.), и, наконец, вырабатывается антропоморфизированный образ хозяина данного рода, который может иметь уже человеческий, или смешанный, или перемежающийся облик. Этому хозяину подчинены все особи рода. Хозяина имеют не только животные. Есть хозяева стихий — грома, солнца, гор, ветров и т. д. Здесь на животных проецированы родовые отношения, и из таких хозяев стихий впоследствии развились индивидуальные боги.

Посмотрим теперь, чем является Яга на более ранних стадиях культуры, что ей в этих случаях соответствует?

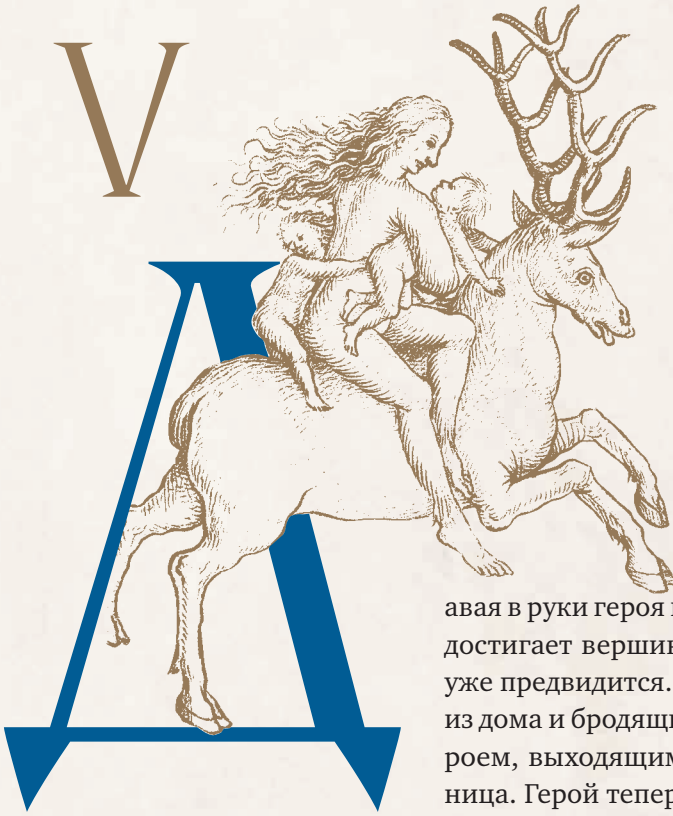
Что и здесь Яга представлялась старухой, мы уже видели.

Мы видели также, что она очень часто является старухой и одновременно животным («Эта женщина была утка»). Особый интерес представляют для нас те случаи, где русской Яге соответствует животное. В американском мифе родители заводят детей в лес и покидают их. Они привязывают их к дереву. Появляются волк (подчеркнуто, что он старый) и койот. Старый волк кричит: «Приходите ко мне со всех сторон!» Дальше говорится: «Волки и койоты пришли со всех сторон земли». Старый волк велит отвязать детей. К зиме дети строят шалаш. Сестра от волков получает дар исполнения желаний. По ее желанию шатер окружают стада оленей, буйволов и

¹ Зеленин Д. К. Культ онгонов в Сибири. М.; Л., 1936. С. 206.

I. Волшебный помощник

1. Помощники.

авая в руки героя волшебное средство, сказка достигает вершины. С этого момента конец уже предвидится. Между героем, вышедшим из дома и бродящим «куда глаза глядят», и героем, выходящим от Яги, — огромная разница. Герой теперь твердо идет к своей цели и знает, что он ее достигнет. Он даже склонен слегка прихвастнуть. Для его помощника его желания — «лишь службишка, не служба». В дальнейшем герой играет чисто пассивную роль. Все делает за него его помощник, или он действует при помощи волшебного средства. Помощник доставляет его в дальние края, похищает царевну, решает ее задачи, побивает змея или вражеское воинство, спасает его от погони. Тем не менее он все же герой. Помощник есть выражение его силы и способности.

Список помощников, имеющих в репертуаре русской сказки, довольно велик. Здесь могут быть рассмотрены только самые типичные. Рассмотрение помощника неотделимо от

Неизвестный автор.
 Похищение Европы.
 Живопись. Вторая
 половина XVI в.
 Царская дочь
 похищена Зевсом,
 явившемся к ней
 в образе быка.

380

Владимир Пропп

случае чисто эротическая мотивировка заслонила более древнюю культовую мотивировку, связь с урожаем выпала.

Подобную же замену мотивировок мы имеем и в греческих мифах, например в мифе о Персее и Андромеде. Здесь Персей попадает в Эфиопию и застаёт у взморья Андромеду, прикованную к скале. За что же она прикована? Её мать некогда хвастала своей красотой перед nereидами и этим возбудила их ревность. Морской бог послал страшное наводнение и всепожирающую акулу. Оракул обещал избавление, если дочь царя будет выдана этой ужасной рыбе на съедение. В мифе о Геракле герой точно так же в своих странствиях наталкивается на троянском побережье на девушку, привязанную у взморья к скале. Это — Гесиона, дочь Лаомедонта. Её отец некогда обманул Посейдона. Посейдон выстроил троянские стены, но обещанной награды не получил. За это Посейдон наслал морское чудовище, которое опустошало троянскую область, пока отчаявшийся Лаомедонт не отдал ему своей собственной дочери. Геракл выдерживает бой с чудовищем и освобождает Гесиону.

В сказании о Минотавре сохранилась дань, возложенная на побежденное племя для жертв в виде людей; через каждые 7 лет Минотавру посы-

лались из Греции 9 юношей и 9 девушек, которых он пожирал в своем лабиринте. Однако в цикле о Минотавре имеется указание, что страна была поражена засухой и эпидемиями, посланными богами.

Все эти случаи вплотную подводят нас к сказке. Вряд ли требуется особо развивать или доказывать тезис, что сказка восходит к описанному здесь обряду. Самый процесс также очевиден. Из мифов выветриваются имена богов, изменяются мотивировки (мотивировки уже изменены, как мы видим, и в мифах сравнительно с обрядами), изменился стиль повествования, и миф переродился в сказку.

Если мы сравним мотив похищения с соответствующими мифами (похищение Зевсом Европы и др.), с одной стороны, мотив поборов с соответствующими мифами, с другой, то мифы о похищении менее архаичны, чем сказка: похититель-животное здесь преобразован в бога-животное, а миф типа Персея и Андромеды древнее сказки. Отсюда видно, что отношение между мифом и сказкой не всегда одинаково, и вопрос этот не может быть решен суммарно, как это делают Вундт, Панцер и другие.

Религиозные представления могут дать религиозный миф, и из него может развиваться уже лишенная религиозной окраски сказка.

Это перенесение связано с появлением пространственных представлений, с появлением представлений о пути умершего. Обитая первоначально в определенных прудах и озерах (так что мимо них даже боялись проходить), змей теперь от начала пути умершего переносится к концу этого пути. Перенесение это может быть двоякое: или он мысленно передвигается вниз в землю, т. е. становится существом хтоническим, или он, наоборот, переносится в небесную высь и становится существом небесным, солнечным и огненным. Хтоническая природа змея древнее, но и то и другое происходит сравнительно поздно. В общих чертах можно установить этапы поглотителя, стоящего на месте в лесу (у народов, живущих замкнуто и изолированно), поглотителя, переплывающего большие пространства (у народов, достигших более высокой ступени культуры, знающих передвижение и не живущих исключительно лесной охотой), поглотителя, находящегося под землей (примитивное земледелие), и поглотителя, находящегося на небе (развитое земледелие, государственность).

Мы рассмотрим сперва хтонического змея, а затем змея солнечного. В обоих случаях развивается та линия, которая намечалась уже раньше, — линия враждебного отношения к змею, причем, как покажет нам анализ хтонического Кербера, хтонический змей в какой-то степени еще нужен и полезен. Небесный змей всегда уже только враг. Хтонический змей связан с царством мертвых. Небесный змей в Индии с ним не связан, он — поднятый на небо водяной змей. В Египте на небо, по-видимому, вознесен змей хтонический. Его встречает умерший. Сказка дает отражение всех этапов развития змея.

Быть проглоченным было первым условием приобщения к иному царству. Но то, что некогда способствовало этому, превращается в свою противоположность, в препятствие, которое нужно одолеть для того, чтобы попасть в это царство. Поглощения уже не происходит, оно только угрожает. Это — последний этап развития этого представления, и этот этап также отражен сказкой.

30. Кербер.

Не случайно, что материалы по хтоническому змею у народов, не достигших государственности, чрезвычайно скудны. У них его еще нет. У них преобладает змей водяной, но перенесенный в фантастическую даль.

С. Фризиус.
Геркулес и Кербер. *Офорт с работы А. Темпесты.*
Ок. 1610–1664

У такого народа, как ваджагга, мы имеем ясную форму перехода от водяного змея к хтоническому¹.

Но как указано, это представление о подземном хранителе царства мертвых приобретает настоящее развитие только у земледельческих народов. Типичным представителем такого охранителя является Кербер, и на нем надо остановиться, так как фигура Кербера объясняет сторожевую роль и сказочного змея.

Представление, что водоем, река, пруд, озеро — вход в царство мертвых, держится в Греции еще очень прочно. «Входом в потусторонний мир прежде всего является океан», — говорит Ганшиниец², и далее: «Текущие воды, теряющиеся, например, в болотах или выходящие из земли, слыли за вход

¹ Gutmann B. Opferstätten der Wadschagga // ARw. 1909. Bd. XII. S. 83–100.

² См.: Katabasis // Roscher W. H. Ausführliches Lexikon... Sp. 2379.

◆
А. Бёклин. Остров мертвых. Живопись. 1880

слепоты, старости, болезней и недугов. Очень ранней формой такого волшебного средства, добываемого в ином мире и применяемого для всяких видов волшебных действий, служит распространенный и в Австралии, и в Америке горный хрусталь или также кварц. Уже выше, в главе о змеборстве, мы видели, что кварц втирается в тело посвящаемого и что алмазы находят в голове змея. В одном американском мифе рассказывается о молодом человеке, которого избил его отец. Он почувствовал себя оскорбленным и решил умереть. «Он подошел к крутой скале; он влез наверх и сбросился, он остался невредим. Он пошел дальше и вскоре увидел перед собой гору, которая блистала светом. Это была скала Наолакоа. Там постоянно шел дождь из горного хрусталя. Он взял четыре куска длиною в палец и всунул их в ряд в свои волосы. Он влез на верхушку, и его совсем покрыло горным хрусталем. Вскоре он заметил, что посредством горного хрусталя он приобрел способность летать. После этого он пролетел по всему миру»¹.

В полном соответствии с этим в долганском мифе говорится: «Встав, начал прохаживаться; видит — вся земля, песок весь сплошь из бисера, из стеклянных бус»². Этот миф объясняет нам хрустальную гору русских сказок, стеклянную гору немецких и т. д. В русских сказках хрустальная гора связана со змеем, который на ней обитает. Связь хрусталя и змея мы наблюдали и в обрядах: при посвящении втирался хрусталь. «Имеется широко распространенная связь кристаллов кварца с радужным змеем, и по всей Австралии кристаллы кварца принадлежат к самым важным магическим субстанциям, употребляемым шаманом»³. Таким образом, это представление очень раннее. Мы можем предположить, что и «волшебный песок», добываемый у змея, есть отголосок все тех же представлений.

¹ Boas F. Indianische Sagen... S. 152.

² Долганский фольклор. [Л.], 1937. С. 70.

³ Radcliff-Brown A. R. The rainbow-serpent myth in South-East Australia // Oceania. 1930. Vol. I. № 3. P. 342.

*Коренной американец.
Внутренняя часть
барабана, украшенная
тотемным вороном.
Залив Нушагак, Аляска.
Конец XIX в.*

ском фольклоре. «Коряцко-камчадалский фольклор отличается веселым, насмешливым характером. О вороне Кухте рассказывается много странных и смешных историй о том, как он воевал с мышинными девчонками, как он поджег свой собственный дом и пр. Кухт фигурирует то в виде человека, то в виде ворона. Фольклор относится к нему совершенно непочтительно. Одновременно с этим Кухт является также Вороном-творцом, сотворившим небо и землю. Кухт создал человека, добыл для него огонь, потом даровал ему зверей для промысла»¹. То, что Богораз считает непочтительностью, на самом деле может оказаться чувством восхищения перед хитростью ворона, как это указывает Дорси. Во всяком случае, если ворон, о котором рассказываются такие веселые штуки, есть творец неба и земли и если рассказы рассказываются перед охотой, то и здесь сакральный характер рассказа несомненен, а тем самым подкрепляется мысль о сакральном характере не только волшебных сказок. Ведь посвящение — далеко не

¹ Богораз-Тан В. Г. Основные типы фольклора Северной Евразии и Северной Америки // Сов. фольклор. 1936. № 4–5. С. 29.

единственный обряд, были еще сезонные охотничьи и полеводческие обряды и целый ряд других обрядов, и каждый из них мог иметь свой порождающий миф (origin-myth). Связь этих обрядов с мифами и связь их обоих со сказкой еще совершенно не исследована. Чтобы внести ясность в этот вопрос, нужно подробно исследовать состав фольклора доклассовых народов. Это завело бы нас слишком далеко, и для наших целей в этом нет непосредственной необходимости.

Из всего сказанного видно, что уже очень рано начинается «профанация» священного сюжета (под «профанацией» понимаем превращение священного рассказа в профанный, т. е. не духовный, не эсотерический, а художественный). Это и есть момент рождения собственно сказки. Но отделить, где кончается священный рассказ и начинается сказка, — невозможно. Как показал Д. К. Зеленин в своей работе «Религиозно-магическая функция волшебных сказок»¹, запреты на рассказывание и приписывание сказкам магического влияния на промысел держатся до наших дней даже у культурных народов. То же мы знаем о вогульских сказках, о марийских и т. д. Но это — все же реликты, остатки. Наоборот, сказка индейцев почти сплошь священный рассказ, миф, но уже и здесь начинается ее отделение от обряда, и в ней видны зачатки чисто художественного рассказа, каким является и современная сказка.

Таким образом сказка переняла от более ранних эпох их социальную и идеологическую культуру. Но было бы ошибкой утверждать, что сказка — единственный преемник религии. Религия как таковая также изменялась и содержит в себе реликты чрезвычайно древние. Все представления о загробном мире и судьбе умерших, получившие развитие в Египте, Греции и позже в христианстве, возникли гораздо раньше. Здесь нельзя не указать также на шаманизм, точно так же воспринявший много из доисторических эпох, сохраненных сказкой.

Если собрать шаманские рассказы о своих камланиях, о том, как шаман отправился в поисках души в иной мир, кто ему при этом помогал, как он переправлялся и т. д., и сопоставить их со странствием или полетом сказочного героя, то получится соответствие. Для отдельных элементов мы

---

¹ Зеленин Д. К. Религиозно-магическая функция волшебных сказок // С. Ф. Ольденбургу: К пятидесятилетию науч.-обществ. деятельности. 1882–1932. Л., 1934. С. 215–241.